

- Фрунзе), Нинель (обратное прочтение имени Ленина), Октябрин и др.
- ¹⁸ Степанян А. Армяне-репатрианты: вопросы этнической идентичности... С. 378.
- ¹⁹ Kundakjean A. Репрессии репатриантов в сталинскую эпоху [на арм. яз.]. Ереван, 2010. С. 332–372. По мнению автора цитируемой книги, это неполный список, т. к. большая часть материалов, хранившихся в архивах других закавказских городов (Баку, Тбилиси), не сохранилась или недоступна.
- ²⁰ Отъезд репатриантов третьей волны вряд ли следует рассматривать как результат ухудшения ситуации в Армении. Скорее наоборот: можно думать, что постоянно лелеемое желание вырваться из СССР (Советской Армении) осуществлялось при первой появившейся возможности, несмотря на то, что ситуация в республике улучшилась по сравнению с первыми годами после их репатриации.
- ²¹ Образцы закодированных писем см. в: *Stepanyan A.* Репатриация XX века в системе армянской идентичности [на арм. яз.]. Ереван, 2010. С. 187–191.
- ²² Ходячий анекдот на эту тему повествует о том, что репатриант новой волны договаривается с оставшимися родственниками, что если на присланной им фотографии из Армении он будет стоять, то, значит, всё обстоит хорошо, а если будет сидеть, то плохо, и оставшимся не следует приезжать. Он прислал фотографию, где изображен лежащим. Интересно, что в сходном анекдоте советского времени о первых выезжавших в Израиль евреев обыгрывается другая крайность: герой анекдота изображает себя стоящим на стуле.
- ²³ *Abrahamian L.* Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations (The Karabakh Movement in the Eyes of an Ethnographer) // *Soviet Anthropology & Archeology*. 1990. Vol. 29. № 2.
- ²⁴ *Абрамян Л.* Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча... С. 76. Прим. 55.

АРМЯНСКИЕ ОБЩИНЫ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (сравнение Ливана и Сирии)

Ара Санджян

С марта 2011 г. Сирия стала ареной ожесточённой гражданской войны, в которую оказались глубоко вовлечены мировые и региональные силы. В связи с этим затянувшимся конфликтом довольно продолжительное существование глубоко укоренённых армянских общин в различных частях Сирии подверглось угрозе. Боевые действия упорно продолжают, мирное соглашение в обозримом будущем не обещает стать реальностью, что вызывает глубокое беспокойство и тревогу среди армян всего мира.

Сирийскому конфликту предшествовала другая затянувшаяся гражданская война — в соседнем Ливане, которая длилась 15 лет, с 1975 до 1990 г. Во время этого конфликта армянская община Ливана также серьёзно пострадала. Однако, согласно мнению, доминирующему сегодня среди армян как в Ливане, так и за его пределами, масштабы потерь и страданий армян во время ливанской войны были сведены к минимуму благодаря политике «позитивного нейтралитета», которой различные религиозные и политические силы в местной армянской общине неизменно следовали в течение полутора десятков лет кровопролития и разрухи.

В течение последних четырёх лет многие армяне часто спрашивают, почему их собратья в Сирии упустили возможность открыто заявить о подобной общинной политике нейтралитета в современном конфликте и эффективно её применить. В данной статье я попытаюсь ответить на этот часто задаваемый вопрос, сравнивая проблемы, с которыми

армяне столкнулись на ранних этапах гражданской войны в Ливане, с теми проблемами, которые вынуждены сейчас решать сирийские армяне.

Мой предварительный вывод состоит в том, что армяне в Сирии в 2011 г. оказались в неблагоприятной отправной точке конфликта, в сравнении с их собратьями в Ливане в 1975 г. Тут следует учитывать, однако, что гражданская война в Ливане завершилась 25 лет назад. Положение армян в ходе того конфликта можно сейчас изучать по опубликованным первичным источникам, включая свидетельства армянских и неармянских действующих лиц, а также по всё возрастающему числу научных текстов. Сирийский же кризис всё ещё находится в своей активной фазе, и его последствия пока трудно предсказать. Исследователи поэтому не видят ситуацию в историческом контексте и в исторической перспективе. Кроме того, большинство сирийских армян, включая тех, с кем я консультировался в процессе исследования, неохотно соглашались на разговор «под запись», по вполне понятным причинам опасаясь того, что факты, которые они раскроют, или их интерпретации, могут попасть в руки каких-либо фанатичных полевых командиров или их истовых последователей. Следовательно, аргументы и выводы статьи в будущем могут быть подвержены корректировке. По всей вероятности, по завершении сирийского конфликта потребуется куда более всеобъемлющий и исчерпывающий сравнительный анализ или, по меньшей мере, доработка заключительных выводов статьи.

На протяжении письменной истории армяне, жившие в пределах своей исторической колыбели, на Армянском нагорье, а с XI в. н.э. также и в Киликии, вступали в разного рода политические, религиозные, культурные и торговые отношения с народами и сменяющими один другого правителями на территории своего южного соседа, Великой, или Географической Сирии (*Bilad al-Sham*). Средневековые армянские источники называли это место Асорик. В разные исторические эпохи оно неоднократно становилось приютом армянских диаспорных общин, изгнанных с мест постоянного проживания¹.

Эта область получила дополнительную значимость для армян сразу после первой мировой войны, когда десятки тысяч выживших после геноцида в Османской империи нашли убежище на французских подмандатных территориях Ливана и Сирии. Международные границы Ливана были установлены в 1920 г. К 1928 г. Армяно-апостольское прелатство подсчитало, что в стране проживало 32 859 армян². Согласно переписи 1932 г., армяне составляли примерно 4,5% от общего количества населения Ливана, что составляло 782 415 человек. В 1944 г., всего несколько месяцев после того, как Ливан получил независимость от Франции, доля армян достигла 6%³, частично в результате новой волны переселения армян сразу после того, как в 1938–1939 гг. власти подмандатной территории передали санджак Александретта (Хатай) Турции⁴.

Что касается Сирии, она добилась международного признания своих нынешних государственных границ только накануне Второй мировой войны. Записи актов гражданского состояния отразили факт, что в 1938 г. в пределах этих границ проживало около 100 тыс. армян⁵. Ещё через семь лет, в 1945 г., когда Сирия тоже стала независимой от Франции, армяне составляли более 4% трёхмиллионного населения страны⁶.

Будучи под французским мандатом в 1920–1930-х гг., конституции обеих стран предоставляли различным этноконфессиональным общинам (включая три армянских конфессии — армяно-апостольскую, католическую и евангелическую) исключительную юрисдикцию по всем вопросам личного статуса. Они также получили право преподавания на родном языке, равно как и право открывать и содержать общинные школы. Более того, политические системы двух стран были основаны на соразмерном этно-религиозном представительстве в законодательном корпусе и других органах управления.

В своем замечательном исследовании, сравнивающем современных армян Сирии и Ливана, Н. Милиорино утверждает, что «политическая система, созданная властями под-

мандатных территорий, давала удивительные возможности для формирования нового пост-геноцидального армянского мира в Леванте. С одной стороны, она сохранила принцип официального признания конкретных культурных автономий, который отличал османскую традицию; с другой стороны, она создала конституционное пространство и политические условия для интеграции армян в ливанскую и сирийскую парламентские системы. Армянские беженцы... сумели ухватиться за эти возможности и стали постепенно развивать разветвлённую систему армянских институций, которые стали стержнем усилий армянских общин по сохранению своей культуры и её дальнейшему развитию»⁷.

Тем не менее, после ухода французов, к концу Второй мировой войны пути экономического и политического развития независимых Ливана и Сирии разошлись. Как и следовало ожидать, такое расхождение соответствующим образом повлияло и на армянские общины. Установившаяся в Ливане система распределения власти на согласительной основе постепенно консолидировалась⁸, а роль центрального правительства оставалась ограниченной. В Сирии, напротив, следующие друг за другом правительства, стремящиеся к централизации власти, постепенно демонтировали систему этно-конфессионального представительства и во имя арабского национализма навязали политические и культурные ограничения в отношении этнических меньшинств, включая их права на общинные школы и общинные организации. В работе, написанной до начала текущей гражданской войны в Сирии, Н. Милиорино высказал идею о том, что именно «развитие двух государств и, в частности, их подходы к этнокультурному многообразию, оказали существенное влияние на развитие там армянских общин и, в конечном счёте, на возможности сохранения ими разных вариантов идентичности»⁹.

В данной статье мы разовьём это утверждение в попытке показать, что описанные различия в политических системах двух стран также во многом предопределили выбор линии поведения лидерами армянских общин в условиях, когда

Ливан и Сирия последовательно оказались вовлечёнными в гражданскую войну.

Армяне и гражданская война в Ливане (1975–1990 гг.): позитивный нейтралитет

Гражданская война в Ливане продолжительностью в 15 лет стала причиной обширных разрушений и потерь в живой силе, вдобавок к непрекращающейся эмиграции из страны. Природа конфликта, список воюющих группировок и их военно-политический союз с другими локальными группами и внешними силами в течение тех 15 лет неоднократно менялись¹⁰. В статье внимание будет сфокусировано на первой фазе конфликта, так называемой Двухлетней войне 1975–1976 гг. Решение оставаться в стороне от военных действий, принятое армянским политическим руководством, прошло первое испытание именно на этом отрезке конфликта, хотя на более поздних этапах войны осуществлялась та же политика.

Двухлетняя война являла собой противостояние почти исключительно христианской, нацеленной на сохранение *status quo* коалиции различных политических партий и группировок с разношёрстным радикально настроенным оппозиционным лагерем, в котором выделялись четыре центра силы — ливанские мусульмане, пан-арабские националисты, ливанские левые и палестинцы.

Христиане Ливана и особенно марониты, представляющие наиболее крупную христианскую этно-конфессиональную группу, боролись за то, чтобы сохранить господствующие позиции в политико-социальном и экономическом устройстве страны. Они утверждали, что конституционные привилегии, которыми они пользовались (даже после того, как количественно стали в стране меньшинством), были единственной гарантией против возможных попыток маргинализации христиан мусульманским большинством. Стремящиеся к сохранению *status quo* христиане также высту-

пали против военного присутствия в Ливане вооружённых палестинских беженцев, поскольку растущее вовлечение последних в политическую жизнь страны было чревато изменением хрупкого баланса власти между различными этно-конфессиональными общинами в пользу мусульман.

Противоположный лагерь боролся за изменение ливанской конституции, чтобы умерить доминирование маронитов, традиционно занимающих правый фланг политического спектра. Их противники также поддерживали право палестинцев вести освободительную борьбу против Израиля с территории Ливана. Про-палестинские настроения различных представителей оппозиции коренились не только в их пан-арабских националистических и антиимпериалистических убеждениях, но диктовались и практическими соображениями. Многие в оппозиционном лагере рассматривали палестинских партизан в Ливане как «мусульманскую», или «революционную» армию, в противовес сохраняющей *status quo* официальной армии Ливана, в основном управляемой маронитами.

Вовлечённость военизированных палестинских сил в ливанские политические споры отмечалась ещё в конце 1960-х гг. Однако Ливан стал свидетелем более раннего шестимесячного противостояния мусульманской пан-арабской националистической и левацкой коалиции с контролируемым маронитами, прозападным правительством в 1958 г.¹¹. Это столкновение совпало с пиком «холодной войны» в армянской диаспоре. Сильно разобщённые по поводу отношения к советской власти на родине армян, три активные диаспоральные партии оформились в два соперничающих лагеря, которые сосредоточились на идеологическом уничтожении соперника. На протяжении 1950-х гг. партия дашнаков решительно позиционировала себя на стороне западного лагеря в глобальной борьбе мирового капитализма против коммунизма. Их традиционные соперники, партии «Гнчак» и «Рамкавар», симпатизировали СССР.

В рамках же ливанского политического контекста 1958 г. дашнаки встали на сторону правительства, в то время как

гнчакисты, рамкавары и члены ливанской коммунистической партии армянского происхождения поддерживали оппозицию. Отход от законности и порядка по всей стране дали выход скопившейся между соперничающими армянскими лагерями вражде, и серия убийств по принципу «око за око» лишили жизни около 35 армян с противоположными политическими взглядами. Это кровопролитие было прекращено только тогда, когда общеливанский конфликт подошёл к своему завершению, и послевоенное правительство национального единения вынудило армянские партии прекратить политические убийства¹².

Однако позднее, между 1958 и 1975 гг., армянская диаспоральная политика существенно изменилась, и все три партии перестали искать союзников за пределами армянского мира с целью ослабления или идеологического уничтожения своих же политических соперников. Необходимость международного признания и осуждения геноцида армян в период Первой мировой войны и ирредентистских территориальных требований Турции — пункты, по которым все три партии пришли к согласию — теперь было решено поставить во главу угла, а разногласия относительно правомерности советской власти на родине отошли в тень. Три партии вели переговоры в Бейруте, чтобы объединить усилия диаспорных общин по организации поминовения жертв в год 60-летия геноцида, когда разразилась ливанская гражданская война. Эти встречи были немедленно использованы для того, чтобы сформулировать согласованную армянскую позицию перед лицом непосредственного кризиса в принимающей стране.

В 1975 г. численность армянского сообщества в Ливане всё ещё неуклонно росла. В начале 1970-х гг. община насчитывала свыше 165 тыс. человек, а возможно, даже около 200 тыс. Такой разрыв в оценках связан с тем, что после 1948 г. они включали несколько тысяч беженцев из Палестины и значительное число более поздних мигрантов из Сирии — две подгруппы, которые ещё не имели ливанского гражданства¹³. Более того, с упадком армянской общины

в Египте после революции 1952 г. Бейрут стал бесспорной неофициальной столицей армянской диаспоры, центром политического руководства и культурно-этнического производства. Три диаспоральные партии переместили туда свои штаб-квартиры, осознавая в полной мере, что любое их решение относительно ситуации в Ливане отразится на жизни всех армянских общин за пределами советского блока.

Несколько лидеров армянских общин — из тех, кто сформулировал и воплотил в жизнь политику «позитивного нейтралитета» во время гражданской войны, после окончания конфликта опубликовали свои воспоминания. Все они придерживались мнения, что выбор такой политики на поверку оказался мудрым, продуманным и правильным решением. К такому заключению сегодня пришли почти все активисты армянской общины Ливана, а также ученые армянского происхождения, которые изучали эту политику в качестве темы научного исследования¹⁴. Кровопролитная гражданская война в конечном итоге так и не разрешила ключевых вопросов, которые изначально были её причиной. Так и не появилось явного победителя, который навязал бы свою версию события и назначил бы одних героями, а других — злодеями. Тем самым, нежелание армян делать ставку на войну, благодаря чему они не несли никакой ответственности за массовые убийства и разрушения, в нынешних условиях оказалось в морально-нравственном отношении разумной позицией. Более того, армяне не без удовлетворения вспоминают сегодня, что в годы войны они были среди немногих в Ливане, кто мог без риска для жизни пересекать линии, разделяющие различные воюющие группировки, и что их политика «позитивного нейтралитета» минимизировала человеческие и материальные потери общины.

В 1975 г. не было составлено ни одного документа, отражающего позицию армян в разгорающемся конфликте. Взамен, лидеры армянских партий заключили соглашение о принципах, которые они вместе с депутатами-армянами в ливанском парламенте позже разъяснили в армянской прес-

се, а также более широким слоям ливанской общественности. Их усилия оказались успешными, особенно среди обычных людей; очень немногие представители армянской молодёжи приняли личное решение сражаться на стороне христиан или оппозиционных им левых ополченцев. Передающее суть этой политики словосочетание «позитивный нейтралитет» впервые, как сообщают осведомлённые современники¹⁵, ввёл в оборот А. Кужуни (Черечян), лидер партии «Гнчак».

В широком смысле слова, политика «позитивного нейтралитета» исходила из того, что армянская община оставалась верна идеалам ливанского национального единства, суверенитета, территориальной целостности страны и её и согласительной политической системы. Армянские партии признали необходимость определённых социально-экономических и административных реформ для разрешения спорных вопросов развития ливанского общества. Однако они настаивали, что проводить эти реформы следует в режиме диалога. Тем самым они осуждали применение силы при решении политических споров в Ливане. Армянские политические партии также успешно вели переговоры с другими сегментами ливанского общества. Тем не менее, эти партии, вслед за другими общинами и политическими группировками, также занялись вооружением своей молодёжи. Однако деятельность этих вооружённых отрядов ограничивалась лишь тем, что они сумели защитить армянские кварталы и учреждения от возможного посягательства различных групп ополчения¹⁶.

Решение армянских политических элит остановить свой выбор на «позитивном нейтралитете» основывалось на убеждении, что существующая политическая система в общем и целом выгодна для армянской общины, а также диктовалось стремлением всех трёх партий углубить нарастающие с 1960-х гг. контакты внутри диаспоры.

Армянское партийное руководство было убеждено, что ливанская согласительная система наделяла армянскую общину определёнными полномочиями, позволявшими ей

контролировать свои внутренние дела, и тем самым содействовала сохранению армянской идентичности и культуры. В конце концов, главными целями всех трёх партий остались сохранение особой армянской этнической и политической идентичности в диаспоре, в ожидании более благоприятной международной политической конъюнктуры, которая позволила бы ей вернуться на свою историческую родину в пределах современной Турции.

Кроме того, согласно конституции Ливана, относительно маленькая армянская община имела представителей в основных политических институтах страны и, таким образом, играла свою роль в национальной политике принимающей страны. Лидеры армянской общины опасались, что если углубляющийся кризис приведёт к расчленению Ливана или если политическая система подвергнется слишком явным, фундаментальным изменениям, то община может лишиться многих прежних политических и культурных прав.

На уровне армянской диаспоры, обосновавшееся в Ливане руководство прекрасно понимало, что если не будет тщательно проработанной и взвешенной единой позиции, внешние силы могут использовать застарелое соперничество, и призрак «братоубийственной» бойни 1958 г. может настичь общину снова. Более того, из-за центрального положения Бейрута в диаспоре, неумение выработать скоординированную позицию в преддверии конфликта в Ливане могло также замедлить, а то и свести на нет постепенно зарождавшееся межпартийное сотрудничество в других частях мира.

И последнее. Опубликованные свидетельства армянских лидеров подтвердили, что они также приняли к сведению сильную вовлечённость в ливанскую гражданскую войну иностранных, особенно арабских сил. Любой предпринятый ими необдуманный шаг мог поставить под удар тех ливанских армян, которые имели сирийское гражданство или были беженцами из Палестины. Могло дойти и до возникновения сложностей для армянских общин в других арабских странах — Сирии, Ираке, Египте или Иордании¹⁷.

Однако любой второстепенный игрок, объявляющий о своем нейтралитете во время всеобъемлющего конфликта, в который вовлечены более могущественные участники, должен также обладать средствами, чтобы заставить других субъектов уважать свой нейтралитет¹⁸. Руководствуясь этими моментами, армянские партии постоянно поддерживали связь со всеми воюющими сторонами, включая палестинцев и сирийцев, войска которых вошли в Ливан в 1976 г. Эти тяжёлые дискуссии имели своей целью донесение всех нюансов скоординированной армянской позиции до других игроков. Как отмечалось выше, для обеспечения самозащиты армяне, где могли, также содержали небольшие вооружённые отряды. Кроме того, поскольку предоставление ливанскими государственными институтами различных услуг постепенно сокращалось, армянские партии и связанные с ними общественные и образовательные структуры, вместе с армянскими религиозными и благотворительными организациями, вынуждены были проявить инициативу и заполнить образовавшиеся бреши, тем самым повышая качество армянского общинного самоуправления в условиях войны¹⁹.

Тем не менее, этих мер как таковых было бы недостаточно для соблюдения армянами нейтралитета, если бы на более широком ливанском театре войны отсутствовал целый ряд других внутренних и внешних факторов. Важность этих специфичных условий становится очевидной, если сравнить политический ландшафт в Ливане и в ближневосточном регионе между 1975 и 1990 гг. с локальным и международным положением дел, влияющих на Сирию, начиная с 2011 г.

Во-первых, ливанские государственные институты выжили в ходе войны, даже когда центральное правительство утратило контроль над многими своими структурами, равно как и над своей традиционно шаткой монополией на насилие. Даже под прессом неустойчивого выживания, легитимность ливанского центрального правительства признавалась на международной арене. Избранный в 1972 г. парламент повторно продлил свой мандат и правил 20 лет,

в течение которых он избрал поочередно пять президентов республики. Президенты и национальная армия не всегда активно участвовали в гражданской войне; временами они, как третейский судья, были «выше» конфликта, пытались помирить воюющие фракции. В стране не существовало военной службы по призыву, и армянская молодёжь не была обязана идти в армию. Воюющие стороны всё ещё глубоко чттили национальный флаг и гимн. Тем самым армяне могли по-прежнему провозглашать преданность государственным символам и законно избранным лидерам, но также заявлять о своем нейтралитете в рамках текущего конфликта между ливанскими и внешними противоборствующими силами.

Во-вторых, кроме армянской общины, существовали другие сегменты ливанского общества, которые также отказались брать в руки оружие, но при этом оставались вовлечёнными в сопутствующие войне политические переговоры. Армяне, таким образом, могли указать на существование этих сил и на то, что некоторые ливанцы не-армянского происхождения придерживались той же точки зрения на конфликт.

Далее. Многие армяне в Ливане продолжали считать, что проводимая ими политика «позитивного нейтралитета» также одобрялась ключевыми международными игроками — США, СССР и Ватиканом. По мнению ливанских армян, соплеменники в этих странах играют важную роль в разъяснении армянской позиции в Ливане своим собственным правительствам. Однако в опубликованных свидетельствах армянских политических лидеров Ливана того времени подобных умозаключений не найдётся. Удивляет то, что спустя примерно 40 лет после того, как конфликт разразился, ни один исследователь до сих пор не изучил рассекреченные документы в перечисленных странах, чтобы ответить на вопрос, действительно ли широко распространённое среди армян Ливана представление подтверждается архивными данными. Если это действительно так, было бы интересно узнать, сыграла ли какую-то роль позиция этих правительств в удерживании одной или нескольких воюющих группиро-

вок от давления на армян с целью вовлечь их в конфликт на стороне одного из его участников.

Можно, однако, уверенно сказать, что власти советской Армении и СССР в целом решительно поддерживали объединённое армянское сопротивление в Ливане²⁰. Эта позиция была явным отходом от советской политики 1958 г., когда Москва и Ереван открыто поддерживали проопозиционную гнчакистско-рамкаварско-коммунистическую коалицию против проправительственных дашнаков.

Наконец, тот факт, что Турция не была прямо вовлечена в ливанскую гражданскую войну, также способствовал реализации армянской политики «позитивного нейтралитета». На протяжении военных лет Анкара продолжала свой курс враждебности по отношению к армянским диаспоральным организациям и их политическим требованиям к Турции. Если бы турецкое правительство активно поддержало одну из сторон в Ливане, армянам было бы чрезвычайно трудно оправдать свою нейтральную позицию²¹.

Несмотря на все благоприятные факторы, сохранять «позитивный нейтралитет» было трудно и затратно. Это только минимизировало лишения армян, но не позволило избежать их вовсе²². Многие армяне потеряли свой бизнес из-за продолжительных боёв и частых грабежей. Около половины армянского населения Ливана покинули страну навсегда²³. В их числе было много членов дашнакской партии, несмотря на ярое сопротивление такой эмиграции со стороны партийного руководства²⁴.

С политической точки зрения, армянским лидерам было очень сложно не принимать участие в войне и в то же время пытаться участвовать в переговорах по мирному урегулированию конфликта²⁵. В определённые переломные моменты войны, армянские лидеры чувствовали, что их игнорируют более могущественные участники, имеющие большое влияние в политической сфере и куда более эффективные вооружённые силы²⁶. Более того, армяне должны были обозначать свою политическую позицию с крайней осторожностью,

чтобы не спровоцировать ни одну из влиятельных противоборствующих сторон²⁷.

Некоторая возможность для самообороны принесла свои плоды, когда жилой армянский квартал Бурдж Хаммуд, что к северу от Бейрута, в 1975–1976 гг. попал под перекрёстный огонь палестинских и христианских ополченцев²⁸. Первые годы гражданской войны свидетельствовали о серьёзной напряжённости между армянскими партиями и маронитскими ополченцами. Последние были недовольны тем, что армяне не оказывали им помощи в защите и сохранении ливанского статус-кво, который давал привилегии христианам и оспаривался мусульманами, пан-арабистами и левыми²⁹. Армяне, в свою очередь, были обеспокоены тем, что некоторые марониты серьёзно рассматривали возможность раздела страны³⁰. Трения между армянами и маронитскими боевиками в 1978 и 1979 г. иногда доходили до ограниченных вооружённых столкновений³¹.

Квартал Бурдж Хаммуд снова оказался в уязвимом положении на последних этапах гражданской войны, в ходе «войны за освобождение», которую вёл временный премьер-министр, генерал М. Аун против присутствия сирийской армии в Ливане в 1988–1990 гг., а также в течение идущей одновременно «войны по уничтожению», направленной против ливанских сил — самой важной христианской группировки³². К счастью, напряжённость между Ауном и армянскими диаспоральными партиями, особенно дашнаками, не вылилась в вооружённое столкновение.

Тем не менее, эффективная самооборона армян на протяжении всех военных лет стала возможной только в Бурдж Хаммуде, политической «вотчине» дашнаков³³. Гнчакистам не удалось сохранить контроль над своей традиционной цитаделью, соседними кварталами Ачина и Халил Бадави в восточном Бейруте; в конечном итоге они перешли к христианским ополченцам. В населённом в основном мусульманами западном Бейруте дашнаки изначально имели некоторые проблемы с палестинскими вооружёнными группировками³⁴. Они потерпели неудачу при попытке установить буферную

зону (по аналогии с Бурдж Хаммудом), которая охватывала бы несколько армянских населённых кварталов в западном Бейруте; им удалось лишь разместить несколько групп вооружённой армянской молодёжи в некоторых общественных институтах для их защиты от возможных спонтанных нападений или мародёрства³⁵. Худший инцидент, коснувшийся армян, произошёл в западном Бейруте в 1986 г. Несколько армян были убиты, ранены или похищены после того, как один из армянских депутатов присоединился к представителям воинствующих христианских фракций, выдвинувшим мирную инициативу (она была немедленно отклонена мусульманскими группировками)³⁶.

По оценочным данным, в 1975 г. в западном Бейруте проживало от 30 до 40 тыс. армян. Большинство из них жили лучше, чем их соплеменники в «народных» кварталах восточного Бейрута и Бурдж Хаммуда, и именно они были в числе первых, кто эмигрировал из Ливана. Другие армяне постепенно переместились с запада в заселённый христианами восточный Бейрут, заявив, что степень беззакония там намного ниже. К концу войны в западном Бейруте осталась всего горстка армян; большинство армянских учреждений там были закрыты или проданы. Дашнаки также организовали самооборону в населённой армянами деревне Анджар в долине Бекаа³⁷. Однако подобных инициатив не последовало в небольших армянских общинах в городах Триполи и Захле.

Сегодня, спустя четверть века после формального окончания гражданской войны, по оценкам различных наблюдателей, в Ливане осталось от 50 до 80 тыс. армян. Несомненно, на фоне того, что было 40 лет назад, это скромная величина по сравнению с размерами других общин за пределами Армении — теперь независимой родины армян. Однако Ливан по-прежнему считается одним из наиболее ярких центров проживания армянской диаспоры.

Так или иначе, годы после окончания гражданской войны в Ливане были политически нестабильными, часто перемежаясь относительно короткими, но болезненными эпизо-

дами политического насилия. Будущее армянской общины в Ливане остаётся неустойчивым. В последнее десятилетие это чувство незащищённости среди армян Ливана возросло из-за крайней поляризации в ливанской политике после убийства премьер-министра Р. аль-Харири и вывода сирийских войск в 2005 г., а также в связи с последствиями для Ливана, вызванными продолжающейся с 2011 г. гражданской войной в Сирии. Современные армянские общины в Ливане и Сирии имеют не только общее происхождение, они также сохраняли очень тесные культурные и семейные отношения на протяжении всего прошлого века. Армянская община в Ливане пережила гражданскую войну в принимающей стране, но многим живущим здесь армянам сегодня важно знать, переживут ли аналогичным образом их соплеменники текущий конфликт в Сирии. Они опасаются, что если армянская община в Сирии, в конечном счёте, будет разрушена из-за массового насилия, после этого армяне в Ливане могут оказаться не в состоянии долго продержаться.

Армяне и гражданская война в Сирии

Сирия превосходит Ливан по своим размерам. В начале конфликта её население оценивалось в 23 млн. человек. Географическое положение Сирии также более выгодно, чем у Ливана. Отсюда, у международных игроков более высокие ставки в данном конфликте. Соответственно, количество жертв, разрушений, внутренне перемещённых лиц и беженцев также значительно выше³⁸.

Как и в Ливане, природа сирийской гражданской войны видоизменялась с момента её возникновения. Первые волнения в марте 2011 г. были похожи на ранние восстания в Тунисе, Египте и Ливии. Требования касались демократизации политической системы, освобождения политических заключённых, отмены чрезвычайных законов и необходимости покончить с коррупцией. Ответ сирийского правительства

был куда жёстче, чем в Тунисе и Египте. С самого начала правительство неустанно твердило, что заговорщики и иностранные державы стремятся к свержению властей страны. Государственные службы безопасности почти сразу прибегли к несоразмерной огневой атаке, тем самым подтолкнув оппозицию к тому, чтобы тоже взяться за оружие.

В июле перебежчики из государственной сирийской армии основали Свободную Сирийскую армию (ССА), обещая свергнуть режим. В августе в Турции была сформирована коалиция антиправительственных политических групп, что послужило ранним признаком прямого иностранного участия в конфликте. В октябре Анкара позволила ССА расположить свои подразделения и штаб-квартиры на турецкой территории и оттуда атаковать северную Сирию, используя при этом турецкую сторону границы как безопасную зону и коридор для снабжения армии. Сирийские повстанцы также получают огромную помощь от арабских государств Персидского залива и в меньших количествах — от западных правительств. Заручившись международной поддержкой, повстанцы получили контроль над большей частью северной и восточной Сирии, в том числе над контрольно-пропускными пунктами с Турцией и Ираком.

Около 20 стран признали оппозиционную коалицию в качестве законного представителя сирийского народа. В марте 2013 г. оппозиция также получила место Сирии в Лиге Арабских государств. В свою очередь, правительство в Дамаске заручилось поддержкой Ирана, России и, в меньшей степени, Китая. Как бы то ни было, несмотря на разнообразие оппозиционных фракций (которые на момент написания статьи в марте 2015 г. контролировали около половины территории и населения Сирии), единого эффективного руководства оппозиции на сегодняшний день не существует. В дополнение к северным и восточным районам, упомянутым выше, в руках оппозиционных фракций также оказались южные районы Сирии, граничащие с Иорданией и оккупированными Израилем Голанскими высотами.

Так называемые джихадистские группировки, в частности, фронт аль-Нусра (*al-Nusra Front*), а также Исламское государство Ирака и Сирии (ISIS), постепенно тоже стали играть важную роль в сирийской гражданской войне, что способствовало маргинализации ССА. Оценки роли в конфликте джихадистского фактора остаются противоречивыми. По мнению многих аналитиков, региональные державы, выступившие против сирийского правительства, ускорили вторжение джихадистов в Сирию, придя к выводу, что ССА не сможет самостоятельно победить режим. Сочувствующие оппозиции наблюдатели, однако, приводят контраргумент: сирийское правительство намеренно выпустило из заключения исламистских радикалов и вооружило их на ранних стадиях конфликта для того, чтобы показать международному сообществу, что официальный режим является наименьшим из зол. Режим действительно попытался использовать на растущий вес джихадистов в оппозиции для того, чтобы представить себя в образе гаранта религиозного разнообразия и толерантности в стране. В любом случае, эти джихадистские группировки в настоящее время борются не только против правительства, но и против ССА, курдских ополченцев и даже друг против друга, ещё больше усугубляя и без того сложную ситуацию.

В настоящее время сирийский конфликт описывается как по сути конфессиональный. Хотя правительства Сирии в период независимости постепенно демонтировали конфессиональную систему представительства, унаследованную от подмандатного периода, продолжающаяся война ясно показала, что конфессиональные различия ещё очень значимы для многих сирийцев. С 1963 г. Сирией правила партия БААС (Партия арабского социалистического возрождения). Её недоброжелатели давно утверждали, что с момента внутреннего партийного переворота в 1966 г., члены алавитско-го меньшинства и, чуть позже, семья Асада сосредоточили все действующие рычаги власти в своих руках. Оппоненты и критики обвинили правительство в том, что они относились

с подозрением и презрением к большинству арабских суннитов и к этническим меньшинствам — таким, как курды и туркмены (они в подавляющем большинстве тоже сунниты).

Сегодня сунниты (как арабы, так и не арабы) составляют три четверти населения Сирии. Считается также, что они составляют подавляющее большинство бойцов ССА. Джихадисты Сирии тоже исключительно сунниты, но они воюют вместе с суннитскими добровольцами из других мусульманских стран или из мусульманских общин западных стран. Некоторые из туркменских политических фракций также являются частью оппозиционной коалиции. Курдские группировки можно разделить на про- и анти-правительственные; здесь существует также третий сегмент, который, судя по всему, пытается лавировать между двумя лагерями, с чётко заявленным намерением способствовать созданию самоуправляемой курдской территории на северо-востоке Сирии. В про-правительственном лагере алавиты являются главной опорой режима президента Башара Асада; христианское меньшинство и друзы также позиционируют себя скорее на стороне существующей системы. Кроме того, правительство по-прежнему пользуется лояльностью значительной части арабских суннитов, которые составляют большинство в стране.

В последующей части статьи мы ставим своей целью показать ключевые дилеммы существования армян в описанном хаосе гражданской войны в Сирии. В ходе этого анализа мы будем постоянно обращаться, в целях сравнения, к ситуации в Ливане примерно сорокалетней давности.

Для начала стоит отметить, что в течение трех десятилетий независимости Ливана, вплоть до начала гражданской войны, армянская община в стране неуклонно росла. В Сирии же, в течение 65 лет, прошедших после провозглашения независимости Сирии и до того, как страна погрузилась в кровавую гражданскую войну, армянская община уменьшилась и в абсолютных, и, особенно резко, в относительных параметрах. По данным энциклопедии армянской диаспоры (2003 г.), численность армян в Сирии варьировала от 65 до

70 тыс.³⁹, что свидетельствует о снижении, по сравнению со 100 тыс. в 1938 г. Самая большая волна эмиграции армян из Сирии произошла в 1960-е гг.⁴⁰. Более того, общая численность населения страны выросла почти в десять раз в течение тех же 65 лет. Таким образом, к 2011 г. армяне составляли лишь около 0,3 % населения Сирии, по сравнению с 4 % в середине 1940-х гг.

Эта постепенно сокращающаяся армянская община жила в политической и культурной среде, которая очень отличалась от таковой в Ливане образца 1975 г. После обретения независимости, в Сирии были короткие периоды политического плюрализма, соревновательных выборов и наличия демократически избранных правительств⁴¹. Серия военных переворотов официально покончила с консociативным принципом политического устройства и привела к чрезвычайно централизованной системе управления, которая, в том числе, ограничила многие культурные свободы, которыми пользовались армяне. В ходе постепенного демонтажа конфессиональной системы политического представительства, с 1973 г. армянское присутствие в органах законодательной власти стало символическим: один депутат из 250, в сравнении с четырьмя депутатами-армянами, которые входили в состав сирийского парламента в 1928 и 1932 гг., оба численностью в 70 членов⁴². Последующие сирийские правительства периода независимости терпели неофициальное существование армянских политических партий, которые регулировали общинную жизнь через контролируемые ими благотворительные, спортивные и культурные организации, а также через доминирование в светских органах Армянской церкви. Тем не менее, государственный надзор был в Сирии гораздо строже, чем в Ливане.

Большинство ограничений описанного порядка были наложены ещё до того, как Хафез Асад пришёл к власти в 1970 г. По этой причине многолетнее пребывание у власти семьи Асада ретроспективно ассоциируется с частичным восстановлением позиций армян в Сирии⁴³. Некоторые на-

блюдатели говорят о своего рода неформальной сделке, заключённой в тот период между правящим режимом и армянской общиной. Другие эксперты, однако, возражают, что эта так называемая сделка с армянами ставила их в те же условия, в которых существовали другие христианские общины.

Как бы то ни было, правительства Хафеза, а позднее Башара Асада не вводили никаких радикальных дополнительных ограничений на деятельность армянских школ и культурных организаций, а некоторые уже действующие законы стали интерпретироваться мягче. Однако армяне так и не стали последовательными приверженцами режима, и очень немногие из них вступили в правящую партию БААС⁴⁴. Они просто пришли к выводу, что данный уклад в целом хорош для существования не-суннитских меньшинств, и чувствовали себя в безопасности, как только поняли особенности образа действий, «логику» режима. Тем не менее, отсутствие демократической политической жизни и конкурентных выборов лишили армянские партии возможности установления связей с другими политическими силами страны, что было очень важной характеристикой социальной активности армян в Ливане в 1975 г. Единственными насущными «политическими навыками», в которых армянские лидеры могли поднатреть, было установление личных связей с различными влиятельными должностными лицами и всесылными офицерами из органов безопасности (*мухабарат*). Эти «сети поддержки» создавались на протяжении многих лет в процессе управления делами армянской общины.

Как и армяне Ливана в 1975 г., армянские жители Сирии в 2011 г. были в целом также довольны статусом своего сообщества. Они, в свою очередь, тоже опасались, что любая резкая смена политической системы может подорвать культурные права, которыми они пользуются. Вот почему они заявляли о своей приверженности национальному единству Сирии, её суверенитету и территориальной целостности. Теперь многие образованные армяне из Сирии приватно признают, что страна действительно нуждалась в

социальных, экономических и административных реформах, особенно в снижении уровня коррупции. Они выражают сожаление, что первоначальные протесты не привели в какому-либо диалогу между правительством и невооружённой оппозицией — диалогу, основанному на программе мирных и постепенных изменений конституции страны и её политической системы.

Однако, как только конфликт принял вооружённый характер, армяне почувствовали себя обязанными занять чёткую позицию таким образом, чтобы пережить политическую бурю с минимальными потерями. Армянские лидеры, опять же в частном порядке, признают, что тиражирование по ливанскому образцу политики «позитивного нейтралитета» в Сирии было невозможно. В то время как центральное правительство и государственные учреждения в Ливане порой удерживались «над схваткой», соответствующие структуры в Сирии с 2011 г. представляют один из двух основных враждующих лагерей. Правительство Б. Асада, по мере возможности, стремится сохранить всеобъемлющую власть с минимальными уступками. Сирийская оппозиция разнородна, дезорганизована и раздрается внутренними противоречиями. Лишь одна отправная точка по-прежнему объединяет оппозицию — это отождествление существующих государственных структур с семьей Б. Асада. Таким образом, единственная общая задача оппозиции заключается в свержении президента и его окружения, даже если входящие в неё группировки не смогут договориться о параметрах новой сирийской государственного устройства. Тут стоит вспомнить, что почти с самого начала конфликта в 2011 г., правительство Сирии и оппозиция начали вывешивать два разных национальных флага⁴⁵. Армяне, следовательно, не могут подражать своим этническим собратьям военного времени в Ливане, подчёркивая свой нейтралитет и «прикрываясь» национальным флагом. Для того, чтобы выглядеть убедительно в своём нейтралитете, они должны свести к минимуму использование **обоих** флагов настолько, насколько это возможно!⁴⁶

Несмотря на своё желание казаться убеждёнными сирийскими националистами, ставящими себя «выше» действующего конфликта, армяне фактически оказались загнанными в ловушку в проправительственном лагере. Причины разнообразны.

Во-первых, армяне продолжают рассматривать режим Б. Асада как некую гарантию действия хоть и ограниченных, но проверенных временем культурных прав, которые помогли им сохранить свой язык и самобытную этническую идентичность. Нарастающая популярность джихадистского крыла оппозиции укрепила их в этом убеждении.

Во-вторых, целое поколение армян было воспитано под бдительным оком органов безопасности (*мухабарата*); и молодёжь, и люди среднего возраста по-прежнему опасаются рисковать и подвергаться новым ограничениям своих свобод.

В-третьих, режим Б. Асада продолжает отказывать своему населению, в том числе армянам, в возможности участвовать в открытой политической деятельности. Он по-прежнему продолжает жёстко наказывать всех инакомыслящих в подконтрольных районах.

В четвёртых, армяне не смогли установить жизнеспособные деловые отношения с ни одной из оппозиционных фракций, частично из-за своей вынужденной политической неопытности. Правда, необходимо признать, что оппозиция, в свою очередь, тоже не смогла представить себя перед не-суннитскими меньшинствами в умеренном, инклюзивном образе. Да, почти все армяне покидали свои дома, если их район попадал под контроль любой из частей оппозиции⁴⁷. Однако армяне, не говоря о прямых контактах с различными оппозиционными группами, судя по всему, отсутствуют даже на мероприятиях в рамках «дипломатии второй/запасной дорожки» (*track two diplomacy; second track diplomacy*), в то время как другие меньшинства, в частности, курды и христиане (кроме армян), принимали участие в такого рода встречах.

В-пятых, режим Б. Асада достиг определённого успеха, убеждая все меньшинства Сирии в том, что оппозицию возглавляют радикальные суннитские группировки и потому любое изменение режима навредит их интересам. Есть армяне, которые в частных беседах обвиняют проправительственные СМИ в том, что они иногда преувеличивают масштабы армянских потерь во время боёв и обстрелов, с целью посеять панику среди последних и тем самым удержать их под контролем. Тем не менее, множество армян, в том числе те, кто уже покинул Сирию и, возможно, никогда не вернётся, продолжают отстаивать официальную точку зрения о конфликте как просто следствии иностранного заговора.

Наконец, Турция очень скоро стала важным игроком в сирийской гражданской войне, поддержав оппозицию, призывающую к немедленному уходу Б. Асада. Армяне серьёзно опасались, что Турция будет использовать отношения с оппозицией, чтобы вынудить её принять меры к дальнейшему понижению статуса армян в Сирии и принудить их эмигрировать из региона, близкого к турецкому фронтиру и армянской исторической родине, куда многие армяне в один прекрасный день всё ещё мечтают вернуться⁴⁸.

В 1975 г. независимой Армении не существовало. Сирийский же конфликт разворачивается в то время, когда Армения как государство обрела независимость и признана международным сообществом. Правительство Армении также пыталось оставаться нейтральным, но это «нейтралитет», склоняющийся в сторону режима Б. Асада. Армения поддерживает дипломатические отношения с действующими властями; посольство и консульство Армении в Дамаске и Алеппо по-прежнему открыты. Близкие отношения Армении с Россией также известны сирийской оппозиции и тем самым ещё больше настраивают её против армянской общины страны.

В течение первых недель протестов, большинство армян оставались крайне лояльны режиму. Многие из них приняли добровольное участие в официально санкционирован-

ных про-асадовских маршах, причём многие считали, что беспорядки скоро пойдут на спад. Однако по мере усиления конфликта армянские общинные организации и СМИ заняли более осторожную позицию, как правило, воздерживаясь от каких-либо комментариев по политическим вопросам. Но даже при крайне осторожном поведении армянская община понесла тяжёлые потери.

Около половины или даже больше армян довоенной Сирии всё ещё находятся за пределами страны, и большинство из них не намерены возвращаться. Как сообщалось, Акоп Габриелян, убитый в Алеппо 1 марта 2015 г., стал 150-й жертвой, понесённой армянской общиной в ходе гражданского конфликта⁴⁹. Другие наблюдатели полагают, что на самом деле общее число жертв достигает около 200 человек, и в это число не входят те армянские гражданские лица, которые были похищены одной из воюющих фракций или простыми бандитами и чьё местонахождение остаётся неизвестным. Армянские призывники продолжают служить в официальной сирийской армии, и некоторые из них были убиты при исполнении служебных обязанностей⁵⁰. Кроме того, несколько армянских солдат по-прежнему считаются пропавшими без вести, в то время как другие сумели покинуть страну. Кое-кто из последних нашёл убежище в Армении — по иронии судьбы, при некоторой помощи со стороны Турции. Молодые армяне призывного возраста пытаются покинуть страну, чтобы избежать возможного призыва.

В подконтрольных районах правительство обратилось, в том числе к армянам, с просьбой вступить добровольцами в военизированные организации, созданные властями наряду с официальной армией и другими силовыми структурами. Армянские источники, как следовало ожидать, не спешат разглашать даже приблизительное количество тех, кто фактически вступил в такие группы. Понятно, однако, что общиной такие действия не поощряются и добровольцев не очень много. Несмотря на решимость оставаться в тени и как можно меньше высываться, несколько армян из Сирии, с ко-

торами я консультировался в ходе подготовки этой статьи, выразили свое личное убеждение, что для оппозиционных кругов армяне стали самой ненавистной из всех христианских этно-религиозных групп Сирии. Они воспринимаются как «менее нейтральные» по сравнению с другими христианами — вероятно, по причинам, перечисленным выше, но также из-за языкового фактора, что резко отличает армян от других христианских общин страны. Однако по-прежнему трудно точно установить, было ли прицельным и преднамеренным уничтожение известных знаковых армянских памятников — таких как церковь Св. Геворга в Алеппо в октябре 2012 г. и армянская церковь и Мемориал жертв геноцида в Дер Зоре в сентябре 2014 г., чтобы особым образом «наказать» «проправительственных» армян, или это просто ещё один побочный результат жестокого конфликта.

Армяне живут в самых разных частях Сирии, и различия в судьбах разных общин складывались в прямой зависимости от особенностей гражданской войны в каждой конкретной области.

Армянская община в Алеппо — крупнейшая в Сирии; вплоть до 2011 г. она насчитывала примерно 50 тыс. человек⁵¹. Армяне покинули те части Алеппо, которые попали под контроль оппозиции или очень близки к линии соприкосновения. В контролируемой правительством части города, где большинство армян жили до войны, они по-прежнему зависят от режима. В отличие от Ливана после 1975 г., в Алеппо с 2011 г. не наблюдается заметного улучшения армянского самоуправления. Существующая в Сирии армянская организация по чрезвычайной помощи и восстановлению, объединяющая усилия различных армянских религиозных, политических и общественных структур, ограничивает свою деятельность лишь распределением помощи.

Во время парламентских выборов 2012 г., организованных правительством Б. Асада в условиях войны, армяне даже потеряли своё единственное место в Алеппо. Оно отошло к представителю влиятельного арабского племени. Назначение

Назиры Саркис государственным министром по делам окружающей среды, послужило, пожалуй, своего рода компенсацией. Правда, будучи этнической армянкой из провинции Якубия, она почти не говорит по-армянски. На протяжении современной истории Сирии⁵² она стала всего лишь второй по счёту армянкой, получившей министерский портфель, но её назначение не произвело большого впечатления на армян.

Дамаск всё ещё находится под контролем правительства, и потери в столичной армянской общине численностью около 5 тыс. человек относительно малы. Тем не менее, люди по-прежнему относятся к своему будущему с настороженностью, и некоторые семьи также предпочли эмигрировать в Армению, Ливан или другие места. Несколько небольших армянских общин практически были уничтожены, когда их города были захвачены оппозицией, особенно джихадистскими группами. Якубие, Куная, Генамие в долине Оронт; Таль-Абьяд и Эр-Ракка на севере Сирии, а также Даръа на юге входят в эту категорию.

Захват деревень вокруг Кесаба и бегство примерно 2 тыс. его жителей в марте 2014 г. привлекло значительное внимание мировой общественности. Хотя правительственные войска в июне отбили Кесаб и некоторые армяне вернулись туда, широко распространено мнение, что там больше никогда не возродится армянская жизнь в прежних её формах. Хотя в контролируемых курдами районах в Аль-Джазире, где в 2011 г. проживало около 16 тыс. армян, прямых преследований не было, тем не менее армяне активно эмигрируют также и из этих районов, по преимуществу в Скандинавию. На момент написания статьи прибрежный город Латакия, алавитская цитадель, кажется самой безопасной среди всех остальных мест проживания армян.

Конечно, трудно предугадать, как долго продлится гражданская война в Сирии и останется ли жизнеспособной после этой трагедии местная армянская община. Сейчас большинство армян настроены пессимистично. Многие утверждают, что даже если в скором времени вооружённый конфликт за-

вершится, будущее страны ещё долго будет оставаться мрачным. И так как армяне в больших количествах продолжают бежать из Сирии, в долгосрочной перспективе, как указывалось выше, это будет негативно сказываться также на жизни их этнических собратьев в соседнем Ливане.

Перевод с англ. Ноны и Маргариты Шахназарян

Более ранние версии данной статьи были представлены в виде публичных лекций во Фрезно 2 декабря 2014 г. и в Сан-Франциско 12 марта 2015 г. Автор благодарит Вигена Четеряна, Ширазу Джереджяна, Арута Экманяна, Марианну Джулян, Шагана Кандагаряна, Ваагна Кешишьяна, Акоба Куюмджяна и Никола Милиорино за предоставление некоторых данных, использованных в статье, а также за помощь в оттачивании авторской аргументации. Однако вся ответственность за содержание статьи полностью лежит на авторе.

Автор выражает благодарность Ноне и Маргарите Шахназарян за перевод текста статьи на русский язык, а также Ваге Саакян за помощь в редактировании русской версии статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для знакомства с историей различных армянских общин на территории современных Ливана и Сирии до начала Первой мировой войны см.: *Terzian M. Zmmaru hay vanke 1749–1949* [The Armenian Monastery of Bzommar], Beirut 1949; *Siurmeyan A. Patmutiun Halepi hayots* [History of Armenians in Aleppo], в 3-х томах. Aleppo, Beirut & and P., 1940–1950; второе издание тт. I–II, Aleppo, 2002–2003; *Varzhapetian S. Hayere Libanani mej* [Armenians in Lebanon]. Vol. I. Beirut, 1951; 2-е изд., 1982; *Atamian P. Histoire de la communauté arménienne catholique de Damas*. Beirut, 1964; *Sanjian A.K. The Armenian Communities in Syria under Ottoman Dominion*. Cambridge, MA, 1965; *Krikorian M.K. Armenians in the Service of the Ottoman Empire 1860–1908*. L., 1978. P. 80–101; *Торгузян Н. Kh. Siriayi ev Libanani hayakan gaghtojakhneri patmutyun* (1841–1946) [*Торгузян О.Х. История армянских колоний Сирии и Ливана (1841–1946)*]. Ереван 1986. С. 7–152; *Cholakian H. Kesap*. В 3-х томах. Aleppo, 1995–2004); *его же. Antioki merdzaka Rujji hoviti hayere* [The Armenians of Rouj Valley near Antioch]. Antelias, 2006.

² *Atan A. Hay keanke* (Amsakan tesutiun) // *Hayrenik monthly* [Armenian Life (Monthly Review)]. August 1928. Vol. 6. № 10. P. 175–176; *Surio ev Libanani hayots vichakagrutiune* [Statistics on the Armenians of Syria and Lebanon] // *Voskerichian E.A.* (сост.). *Suriakan alpom* (grakan bazhinov) [Syrian Album (with a Literary Section)] Aleppo, 1929. Vol. 3. P. 111.

³ *Hourani A.H. Syria and Lebanon: A Political Essay*. Beirut, Librairie du Liban, 1968. P. 385–386.

⁴ Об исходе армян из Александретты в 1938–1939 гг. см.: *Mavian I. La communauté arménienne de la région de Kessab à l'époque du Mandat Français sur la Syrie* (1918–1940); неопубликованная магистерская диссертация, Paris I-Sorbonne, France, 1993–1994. P. 108–154; *The Armenian General Benevolent Union: One Hundred Years of History*. Ed. by R.H. Kévorkian & V.Tachjian. Vol. I. 1906–1940. Пер. с фр. Г.М. Гошгаряна. Cairo, P. & N. Y., 2006. P. 263–265; *Paboudjian M. Du Moussa Dagh à Anjar: Le «recasement» des Arméniens // Les Arméniens 1917–1939. La quête d'un refuge*. Ed. by R. Kévorkian, L. Norduigian, V. Tachjian. 2-е изд. Beirut, 2007. P. 267–297. Этот сюжет также затрагивается в: *Shemmassian V.L. The Musa Dagh Armenians: A Socioeconomic and Cultural History, 1919–1939*. Beirut, 2015.

⁵ *Greenshields T.H. The Settlement of Armenian Refugees in Syria and Lebanon, 1915–1939*. Неопубликованная докторская диссертация, университет Дарэма, 1978. С. 135–147. Однако Т. Гриншилдс подчёркивает, что в официальных источниках, на которые он опирался, специальное упоминалось, что число армян в Дамаске (сирийской столице) было слишком высоким. См.: *ibid*, с. 135.

⁶ *Khoury P.S. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism*. Princeton, New Jersey, 1987. P. 15.

⁷ *Migliorino N. (Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria: Ethno-Cultural Diversity and the State in the Aftermath of a Refugee Crisis*. N. Y. & Oxford, 2008. P. 221. Ситуация на подмандатных территориях рассматривается во второй главе работы (с. 45–87).

⁸ А. Лийпхарт, известный эксперт по согласительным политическим системам, определяет последние как «правительство, созданное блоком элит с целью трансформации демократии с фрагментированной политической культурой в устойчивую (устоявшуюся) демократию». Он наделяет такие системы четырьмя основными характеристиками: (а) правительство состоит из коалиции лидеров, представляющих различные фракции этого плюралистического общества; (б) эти лидеры имеют взаимное право вето на решения других лидеров; (в) политические группировки представлены пропорционально; (г) каждая политическая фракция сохраняет высокую степень автономии. См.: *El-Husseini R. Pax Syriana: Elite Politics in Postwar Lebanon*. Syracuse, N. Y., 2012. P. 2–3.

⁹ *Migliorino N. (Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria...* P. 221.

¹⁰ Существует богатая научная литература по гражданской войне 1975–1990 гг. См., напр.: *Salibi K.S. Crossroads to Civil War: Lebanon 1958–*

1976. Delmar, N. Y., 1976; *Rabinovich I.* The War for Lebanon, 1970–1985 (испр. изд.). Ithaca & L., 1985; *Petran T.* The Struggle over Lebanon. N. Y., 1987; *El Khazen F.* The Breakdown of the State in Lebanon, 1967–1976. L. & N. Y., 2000.
- ¹¹ См. исторический анализ ливанской гражданской 1958 г. в: *Qubain F.* Crisis in Lebanon. Wash. DC, 1961; *The Lebanese Crisis, 1958: A Documentary Study.* Ed. by M. S. Agwani. L., 1965; *Attié C.* Struggle in the Levant: Lebanon in the 1950s. L. & N. Y., 2004; *Kanaan C.B.* Lebanon 1860–1960: A Century of Myth and Politics. L., 2005; *Gendzier I.L.* Notes from the Minefield: United States Intervention in Lebanon and the Middle East, 1945–1958 (с новым предисловием). N. Y., 2006.
- ¹² Подр. об этом см.: *Kalpakian S.* The Dimensions of the 1958 Inter-Communal Conflict in the Armenian Community in Lebanon. Неопубликованная магистерская диссертация, American University of Beirut, 1983.
- ¹³ См. различные оценки в: Social Action Committee of the Armenian Evangelical Union. A Survey of the Social Problems and Needs Within the Armenian Community in Lebanon. Beirut, 1970. P. 30. Цит. по: *Migliorino N.* (Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria... P. 173, примечание 2; *Corbin H., Griffith K. & A. Rahhal.* Observations on the Armenians in Lebanon Made in 1970–1973 // *Armenian Review.* Winter 1975–76. Vol. 28. № 4. P. 392; *Zekuyts Libanani Temi gortsuneutian masin (kaghvats ner kayatsuats teghegakren) (1974–1978)* [Communication on the Activities of the Diocese of Lebanon (Excerpts from the Report Presented)] // *Hask.* April-May-June 1978. Vol. 47. № 4–6. P. 298.
- ¹⁴ См., напр.: *Geukjian O.* The Policy of Positive Neutrality of the Armenian Political Parties in Lebanon during the Civil War, 1975–90: A Critical Analysis // *Middle Eastern Studies.* January 2007. Vol. 43. № 1. P. 65–73; *Avsharian R.* The Ta'ef Agreement and the Lebanese-Armenians // *Armenians of Lebanon: From Past Princesses and Refugees to Present-Day Community.* Ed. by A. Boudjikian. Beirut, 2009. P. 386–408; *Yacoubian V.* The Politics of the Armenians in Lebanon: 1975–1989. Неопубликованная магистерская диссертация, Lebanese American University, 2013.
- ¹⁵ *Hayutian ev Libanani hamar: Hayahots tagheru inknapashtpanutian 25amiak* [For Armenians and Lebanon: The 25th Anniversary of the Self-Defense of Armenian-Populated Quarters]. Ed. by V. Avagian. Beirut, 2000. P. 27–28, 34, 106–107; *Libanahayutian ghekavari tiparneren Harutiun Kuzhuni* [An Archetype of the Lebanese-Armenian Leader: Harutiun Kuzhuni]. Ed. by P. Simonian. Beirut, 2002. P. 13, 253; *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhraran... [From a Refugee Camp to Parliament...]. Vol. II. Aleppo, 2005. P. 47–48; *Vahrich Cherechian: Keankin ev mtatsoghutian endmejen* [Vahrij Jerejian Through His Life and Thought]. Ed. by P. Simonian & Zh. Danielian. Beirut, 2007. P. 203–211, 220–226.
- ¹⁶ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 16–18, 34–35; *Vahrich Cherechian...* P. 212, 216.
- ¹⁷ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 38.

- ¹⁸ Этот довод убедительно приводится Э. Бампукяном, известным членом дашнакской партии. См.: *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 18.
- ¹⁹ Подобного рода практикам следовали и другие этно-религиозные общины по всей стране.
- ²⁰ А. Демирчян, тогдашний лидер партии «Гнчак», пишет, что первый секретарь Коммунистической партии Армении высоко оценил политику «позитивного нейтралитета» во время встречи с делегатами из Ливана в Ереване в декабре 1978 г. См.: *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 37.
- ²¹ Тем не менее, некоторые армяне в Ливане полагают, что Турция втайне поощряла эмиграцию армян из Ливана в западные страны, попросив последние облегчить процедуру предоставления виз. Многие армяне также считают, что ослабление армянских общин в странах, граничащих с Турцией, будет означать неудачу идеи армянского ирредентизма. Этот аргумент был впоследствии принят во внимание К. Даллакяном, отвечающим за идеологическую работу в ЦК Компартии Армянской ССР в годы войны в Ливане. См.: *Dallakian K. N.B.E. Miutian nakhagah K. Giulbenkiani hrazharakani hartsi shurj* [Даллакян К. К вопросу об отставке К. Гюльбенкяна, президента Армянского Благотворительного Союза]. Ереван, 1996. С. 97. Кроме того, Турция участвует в преследовании членов ливанских армянских организаций, которые извлекли выгоду из потери правительством своей монополии на насилие: эти организации начали в Ливане обучение своих членов и использовали территорию страны в качестве плацдарма для организации убийств турецких дипломатов в других странах. Турция выиграла от израильского вторжения 1982 г., потому что лагеря, которые Армянская секретная армия освобождения Армении (АСАЛА) использовала в учебных целях, были уничтожены, когда палестинцы ушли из южного Ливана. См.: *Melkonian M.* My Brother's Road: An American's Fateful Journey to Armenia. L. & N. Y. 2005. P. 104–107. Некоторые наблюдатели предположили, что скорее всего имело место своего рода турецко-израильское сотрудничество в этой сфере. Более того, когда А. Ашджян был похищен в Бурдж Хаммуде и исчез в 1982 г., партия дашнаков обвинила в его похищении непосредственно турецкое правительство. См.: *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 291–296. По общему мнению, А. Ашджян был одним из тех, кто стоял у истоков подпольной анти-турецкой организации «Борцы за справедливость в отношении армянского геноцида» (как считается, тесно связанной с дашнаками).
- ²² Армянский депутат М. Эплигатьян, считает, что около 300 армян были убиты в течение только первых двух лет гражданской войны. Он утверждает, что имена 269 армянских жертв были подтверждены руководством общины. Кроме того, он добавляет, что в течении того же периода было ранено 1886 армян. См.: *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhraran... P. 5.
- ²³ В первую очередь, как следствие эмиграции, резко снизилось число учащихся в школах под патронажем армянской общины Ливана (с 21 тыс. учеников в 1974/75 учебном году до всего 11939 в 1991/92 г. См.:

- Attarian H.* Armenian Schools and Education in Lebanon: Fostering a New Culture of Learning, Teaching, and Practice. Lisbon, 2014. P. 13.
- ²⁴ *Urfalian A.* Kianki me hetkerov [With the Marks of a Life]. Los Angeles, 1991. P. 682–683; *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 19.
- ²⁵ *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 48.
- ²⁶ *Ibid.* P. 55.
- ²⁷ М. Эплигатыан утверждает, что в течение войны был период, когда руководство дашнаков поручило редакторам партийных газет не использовать слово «единство» в своих колонках, в связи с тем, что противоборствующие группировки оперировали контрастными интерпретациями этого термина. См.: *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 44.
- ²⁸ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 32–33, 134–150; *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 34, 41–44.
- ²⁹ *Naggashian H.* Berkahavak: Husher ev Patmuatskner [*Нагашьян Х.* Жатва. Воспоминания и рассказы]. Ереван, 2001. С. 129–131; *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 29–30, 38, 114, 151–155; *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 29–32, 37–40; *Vahrich Cherechian:* Keankin ev mtatsoghutian endmejen... P. 215–219; *Migliorino N.* (Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria... P. 153. Для ознакомления с резкой критикой армянской позиции, поступившей со стороны воинственных маронитов 23 февраля 1979 г, см.: *Words from Bashir: Understanding the Mind of Lebanese Forces Founder Bashir Gemayel from His Speeches.* Ed. by R. Geha. 2009. P. 21–24.
- ³⁰ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 115.
- ³¹ *Ibid.* P. 40, 117–129, 134–163, 302; *Geukjian O.* The Policy of Positive Neutrality of the Armenian Political Parties... P. 70; *Yacoubian V.* The Politics of the Armenians in Lebanon... P. 52–53.
- ³² *Hayutian ev Libanani hamar...* pp. 25, 43–44, 164–167.
- ³³ *Ibid.* 134–129; *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 33–36.
- ³⁴ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 30–31.
- ³⁵ *Ibid.* P. 20, 76–80; *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 36, 40–41.
- ³⁶ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 37, 302; *Avsharian R.* The *Ta'ef* Agreement and the Lebanese-Armenians... P. 396–397; *Yacoubian V.* The Politics of the Armenians in Lebanon... P. 61.
- ³⁷ *Hayutian ev Libanani hamar...* P. 168–172; *Eplighatian M.* Gaghtakayanen khorhrdaran... P. 37.
- ³⁸ Для ознакомления с последними исследованиями по текущим событиям гражданской войны в Сирии см.: *Gelvin J.* The Arab Uprisings: What Everyone Needs to Know. Oxford, 2012. P. 93–118; *Owen R.* The Rise and Fall of Arab Presidents for Life. Cambridge, Massachusetts, 2012; *Ajami F.* The Syrian Rebellion. Stanford, California, 2012; *Hokayem E.* Syria's Uprising and the Fracturing of the Levant. L., 2013; *Lesch D.V.* Syria: The Fall of the House of Assad. Yale, 2013.
- ³⁹ *Hay Spuirk:* Hanragitaran [Армянская диаспора. Энциклопедия]. Под ред. О. Айвазяна. Ереван, 2003. С. 508.

- ⁴⁰ В 1969 г. Е. Акоюн, атташе советского посольства в Бейруте, сообщил, что только в Ливан в последние годы мигрировали из различных регионов Сирии более 30 тыс. армян. См.: Национальный архив Армении (НАА), Ереван, фонд 326, Министерство иностранных дел Армянской Советской Социалистической Республики. Исследовательница А. Буджиканян вводит в оборот другие, более завышенные цифры — от 40 до 60 тыс. за 1975 г., в то же время отмечая, что для многих из этих армянских мигрантов из Сирии Ливан был транзитной точкой по пути к месту постоянного проживания в третьих странах. См.: *Boudjikianian A.* 'L'Espace libanais au regard des migrations arméniennes // *Hannon: Revue libanaise de géographie.* 1982–1984. Vol. 18. P. 35. Армяне покидали Сирию из-за арабизации и социалистической политики последующих правительств в целом, а также пытались избежать политических и культурных ограничений деятельности армянской общины. Они начались после того, как сирийские силовые структуры раскрыли в 1961 г. «тайную организацию» в недрах дашнакской партии, арестовали многих её членов, провели расследование и, в итоге, осудили 16 человек «за шпионаж в пользу иностранной державы». См.: *Migliorino N.* (Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria... P. 164.
- ⁴¹ Для ознакомления с историей Сирии после обретения независимости см.: *Torrey G.* Syrian Politics and the Military 1945–1958. Columbus, 1964; *Petran T.* Syria: A Modern History. L. & Tonbridge, 1978; *Seale P.* Asad of Syria: The Struggle for the Middle East. Berkeley, 1988; *Hinnebusch R.* Syria: Revolution from Above. L., 2000; *van Dam N.* The Struggle for Power in Syria: Politics and Society under Asad and the Ba'ath Party. 4-е издание. L., 2011.
- ⁴² Об армянском представительстве в законодательстве Сирии подр. см.: *Arisian N.* Al-nuwab al-arman fi al-majalis al-niyabiyah al-suriyah (1928–2011) [The Armenian Deputies in the Syrian Chamber of Deputies]. Damascus, 2011.
- ⁴³ *Migliorino N.* (Re)Constructing Armenia in Lebanon and Syria... P. 222.
- ⁴⁴ *Payaslian S.* Diasporan Subalternities: The Armenian Community in Syria // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies.* 2007. Vol. 16. № 1/2. P. 117. По оценкам этого автора, в 1996 г. общее число армян среди членов партии БААС было равно примерно 400 человек.
- ⁴⁵ Правительство продолжает поднимать флаг, впервые принятый в качестве государственного период между 1958 и 1961 гг., когда Сирия и Египет совместно создали Объединённую Арабскую Республику. К этому флагу вернулись при правлении Х. Асада в 1980 г., считая его символом неизменной приверженности Сирии идеалу арабского единства. Оппозиция же вернулась к флагу, используемому сирийцами между 1930 и 1958 гг., т. е. в период мандатов и ранней стадии независимости.
- ⁴⁶ С появлением джихадистского полуса в оппозиции, на сирийской земле также стал использоваться совершенно иной, чёрный флаг. Однако это напрямую на армян не повлияло. Во-первых, джихадисты ставят под сомнение правовые основы существования отдельного сирийского го-

сударства. Во-вторых, они не сделали ровным счётом никаких попыток завоевать лояльность не-суннитов через признание их в качестве равноправных партнёров в общем деле. Наконец, практически ни одна из армянских общин не выжила в областях, захваченных джихадистами.

- ⁴⁷ Есть неподтвержденные сообщения, что армяне за пределами Сирии предприняли несколько робких попыток установить контакты со Свободной сирийской армией. Однако, судя по всему, не было абсолютно никакой почвы для установления аналогичных контактов с джихадистскими группами.
- ⁴⁸ Правительство Б. Асада, в свою очередь, использовало карту геноцида армян против Турции в своей медиа-кампании. Тем не менее, это не сильно впечатлило самих армян: они не забыли и часто напоминают друг другу, что всего несколько лет назад, во время «медового месяца» между Б. Асадом и тогдашним премьер-министром Турции (в настоящее время президентом) Реджепом Тайипом Эрдоганом (в начале 2000-х гг.) то же самое правительство наложило ограничения на ежегодные поминовения геноцида армян в Сирии. Более того, президент Б. Асад воздержался от посещения Мемориала геноцида армян в Ереване во время своего официального визита в Армению в июне 2009 г. См.: *Cholakian H.* Kesari erek orere (21–23 Mart 2014) [*Чолакян А.* Три дня из истории Кесаба (21–23 марта 2014 г.)]. Ереван, 2014. С. 116.
- ⁴⁹ *Bulghadaryan N.* Kianke Halepum gnalov aveli larvats u antaneli e darnum [Life in Aleppo «Is Gradually Becoming More Tense and Unbearable»]. Radio Liberty (Azatutyun), 2 March 2015. См.: <http://www.azatutyun.am/content/article/26877518.html>.
- ⁵⁰ Первой жертвой такого рода стал призывник Виген Айрапетян, убитый в Алеппо, когда 10 февраля 2012 г. два заминированных террористами автомобиля, предназначенные для подрыва штаб-квартиры сирийских региональных сил безопасности, привели к смерти 28 человек. См.: *Barsoumian N.* Between a Rock and a Hard Place: The Challenges Facing the Armenian Community in Syria // *The Armenian Weekly*. Saturday, February 18, 2012. P. 9.
- ⁵¹ Относительно этой цифры и других данных о численности армянского населения в различных городах и регионах Сирии см.: *Hay Spyurk: Nanragitaran...* P. 516–520.
- ⁵² Первым армянином в кабинете министров в современной Сирии стал Ф. Асьюн, католик из Алеппо. Он был министром по общественной работе и коммуникациям, а затем министром здравоохранения после выборов в Учредительное собрание в конце 1949 г. Он вернулся в качестве министра в сирийский кабинет вскоре после распада союза с Египтом в 1961 г. и занял должность министра по социальным делам, занятости и промышленности.

АМШЕНСКИЕ АРМЯНЕ В АБХАЗИИ — ИСТОРИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

Эмир Тужба

Научный интерес к культуре, традициям, языку армян (амшенов) возник во второй половине XIX в. Появляются статьи и заметки ряда армянских исследователей и просветителей (Г. Инджиджян, Л. Бжишкян, П. Туманян, Г. Ачарян, С. Айкуни и др.), в которых представлены особенности фольклора, сюжеты из жизни этнографических групп амшенских армян, отмечается родство их исторических судеб¹.

Сегодня, как и полтора века назад существование армян-амшенов — уникальной этнокультурной общности, зависит от множества факторов внутреннего и внешнего характера. Поэтому исследование проблем инокультурного влияния, сохранения ценностей, традиций амшенских армян Абхазии представляется нам актуальным и своевременным.

Как известно, на жизнедеятельность народов, их язык, психологию, материальную и духовную культуру влияет не только географическая среда, но и окружающие их другие народы. Практически каждая культура несёт на себе отпечаток влияния на неё других культур, обычно соседних. Оно может быть благотворным, но в то же время в истории есть примеры ассимиляции целых народов.

В силу своей коммуникабельности амшенские армяне легко адаптировались к условиям практически любой социокультурной среды. Находясь в экономических и культурных отношениях с разными народами, они перенимали и использовали многое из материальной и духовной культу-

¹ Тужба Эмир Нодаревич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар).